

- уменьшение непосредственных иностранных влияний – как окружение детей иностранными боннами и гувернантками, так и поручение русских учебных заведений руководству иностранцев;
- общественный почин и энергичная общественная деятельность в делах образования;
- самостоятельная педагогическая литература;
- самостоятельность в известных пределах педагогических корпораций, участие их в выработке законов, касающихся постановки воспитания и образования, свободы педагогических обществ, собраний и съездов;
- предоставление видного места в образовательном курсе наукам, имеющим своим предметом родину, таким, как русская история, русская литература, география и этнография России, обстоятельное знакомство с русской флорой и фауной;
- общая русская обстановка школ в бытовом отношении, религиозном, эстетическом и всех других.¹

Комментировать подробно приведенные строки нет смысла. Каждый из нас в меру особенностей и глубины своего видения современной образовательной реальности в России может составить собственное мнение о словах В.Н. Сороки-Росинского. Что-то, конечно, устарело, что-то – нет. Но то, что в наше время в школах отсутствует *общая русская обстановка* в религиозном и эстетическом отношении, это очевидно.

УСВОЕНИЕ НАСЛЕДИЯ ИВАНА ИЛЬИНА КАК ПУТЬ ОБРЕТЕНИЯ ДУХОВНОСТИ И НАЦИОНАЛЬНО- КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

С.З. Гончаров

Качество жизни и культуры, уровень притязаний субъектов в значительной мере определяются тем актом субъективности, каким творятся жизнь и культура. Субъективный акт определяется *сочетанием душевно-духовных сил* субъекта. Такой акт может быть

¹ *Сорока-Росинский В.Н. Педагогич. соч... С.63.*

ориентирован на внешнюю реальность или на внутренний опыт, он может быть частичным или целостным и т.д.

Упрощенность субъективного акта – одна из причин вырождения культуры в «бессердечную» техногенную цивилизацию. Максимум прибыли, минимум совести – такова ее экономикацентричная рассудочная установка. Единение логики и аксиологии предполагает целостный духовный акт в единстве основных творческих сил. Такой акт составляет *креативно-антропологический базис* для успешной самореализации человека в личной, профессиональной и гражданской областях жизнедеятельности. Он ориентирует на креативность в проектировании социальных систем, будь то экономика, политика, менеджмент на предприятии или образование.

Проблема состоит во взаимодополнительности логического и аксиологического (ценностного) форм синтеза.

Современный человек пережил смену не только веков, но и тысячелетий, он застал период крутых перемен. Назревают какие-то сдвиги глубинных пластов в жизнеустройстве народов. Интуиция подсказывает – предгрозовые тучи сгущаются. Модерн эпохи Просвещения сменился постмодерном не только в философии, но и в реальной политике. Буржуазный класс из организатора производства выродился в его тормоз: продуктивная («физическая») экономика сменилась «виртуальной», спекулятивной. Крах мировой финансовой системы у ворот. Главной опорой современных «элит» стал человек гедонистический, с угасающим интересом к культуре.

Происходит в глобальном масштабе поляризация самих стран на избранные и неизбранные. Сведение всего к деньгам к ценности для обмена стало тотальным, всеохватным: национальная культура, территория народа, национальные интересы, историческая память народа, суверенитеты государств, – все это подлежит *обмену*; человеческие мотивы вытесняются экономическими соображениями. «Современная глобализация, – подчеркивал А.С. Панарин, – *впервые в истории человечества* посягает на эти основы коллективной судьбы и идентичности и предполагает *тотальную приватизацию*,

исключающую саму постановку вопроса о национальной идее, национальных интересах, приоритетах, безопасности и т.п.»¹.

Поиски *внешних опор* для оздоровления нравственного климата на планете не дают эффекта. Ни общественная, ни частная, ни смешанные формы собственности; ни интеллектуально емкие технологии, ни «открытое общество», с его «демократией», «правами человека», «толерантностью» и «политкорректностью» не спасают души. Общепланетарный кризис человечества усиливается. Обнажился крах упрощенной материалистической методологии, атеистического научного сознания.

Духовное наследие И.А. Ильина отличается как раз самой развитой, тщательно продуманной и нравственно ответственной аксиологией (учением о ценностях) с тем должным рангом ценностей, которые необходимы для *духовной интеграции* граждан России.

Аксиология Ильина аккумулирует в себе классическую отечественную и зарубежную культуру, свободна от односторонних крайностей, основательна, систематична, последовательна и полна; она может стать надежным ориентиром в теоретической разработке и практическом решении таких вопросов, как духовно-ценностные основы бытия человека, воспитания и образования, семьи и Родины, правосознания и государства, труда и собственности, культуры и армии; она способна быть необходимой предпосылкой развития современной философии и культурологии, этики и эстетики, философии религии и педагогики, политологии и права.

Существенным содержанием современного периода истории России является решение реальной проблемы – как соединить социокультурную традицию и процессы модернизации России. Эту же проблему решал Ильин в своем творчестве. Почему же опыт решения данной проблемы именно Ильиным представляется остро актуальным в настоящее время?

Такая актуальность объясняется, на наш взгляд целостностью творчества Ильина, конкретной аксиологией и *прогноznым* потенциалом его учения, проверенным временем.

¹ Панарин И.С. Народ без элиты. М., 2006. С.31.

Принципиальная новизна аксиологии Ильина заключается в том, что он развил положения об аксиологическом синтезе «сердца» на основе чувства совершенства. Если чистое единство апперцепции («Я») есть источник формального (логического) единства рассудка, то *однородный свет совершенства, вспыхнувший в душе, есть источник единства ценностного самосознания, его качественный субстрат и генетическая основа всех последующих и более конкретных ценностей и качеств человека.* Рассудок синтезирует явления со стороны формы, отношений, структуры, а «сердце» (как сосредоточие духовных чувств) синтезирует явления в аспекте их значимости для человека, со стороны их аксиологических качеств, модальностей. Отвлечение от синтеза «сердца» характерно для бессердечной технической цивилизации. Ильин исходил из верховенства совершенного и мерил совершенным все содержания – в душе и во внешней жизни.

Мышление есть универсальная способность человека, позволяющая ему строить свои действия согласно закономерностям внешних тел, причем, любых. Благодаря мышлению индивид выступает не частной силой природы, но в качестве субъекта, способного управлять всеми стихийными силами. Что бы ни делал человек, его активность управляется мышлением. Однако помимо мышления нам, людям, присущи такие творческие силы как продуктивное воображение, эстетическое созерцание, нравственно-чуткая воля, одухотворенная вера, совесть и любящее сердце. *Единение этих сил рождает целостный духовный акт, дарующий полноту миропереживания и понимания, произвольное творчество и радостную самореализацию.*

В познании, особенно социальной реальности, в равной мере важны и логический синтез мышления, и аксиологический (эмотивный, от слова «эмоция») синтез сердца, как духовного органа человека. Сердце синтезирует созерцания и представления в аспекте значимости событий для людей, в аспекте желаемого и должного. Такой синтез включает нравственные, эстетические антропологические и религиозные компоненты, дополняя односторонность логического синтеза, в котором доминирует форма,

структура, устойчивые отношения (закономерности). Мышления вне ценностного положительного вектора становится всеядным, релятивным. Ему все равно, что доказывать. Оно неминуемо скатится до состояния этической и иной аксиологической нейтральности и станет социально опасным, плодя деструктивные проекты и ложные экспертизы.

И.А. Ильин, как никто другой, ясно прозревал планетарный кризис и квалифицировал его как кризис *духовный* в его *религиозном* сосредоточии. Работы И.А. Ильина обращены к нам, застающим этот кризис. Выход из кризиса предполагает, в первую очередь, не внешние преобразования, а само *внутреннее, душевно-духовное преобразование* человека с иной вертикалью ценностей, с иным пониманием существа человека и межчеловеческих отношений, с иными ориентирами в «жизненном мире» – в воспитании и образовании, в религии и культуре, в политике и хозяйстве, в армии, суде и др. Ибо ментальность современного человека с ее техно- и экономикоцентричностью (максимум прибыли, минимум совести) не позволит преодолеть кризис.

И.А. Ильин, наследуя опыт Православия, сам лично практиковал иной, в отличие от современного, *духовный акт*. Такой акт он углубил, пережил всем существом своим и выразил по-пушкински, с прозрачной ясностью в своих творениях. Он обнажил губительность того *душевного акта*, каким стала твориться техногенная цивилизация. Он намного опередил свое время и завещал нам *аксиологию сердца* на основе *любви и воли к совершенству, к совершенству Божию*. Он передал нам цельную теорию – *актологию любящего сердца*. И своим печатным словом убедительно обнажил человекотворческую природу и спасительность цельного *духовного акта*. Причастие к этому его акту позволяет войти во *внутренний духовный мир мыслителя* и через его *духовную оптику* верно воспринять как его труды, так и саму реальность.

Благодаря неустанному подвижнику русской культуры Юрию Трофимовичу Лисице опубликовано 26 томов трудов И.А. Ильина. Осмысление этого драгоценного материала в его полноте – дело дальнейшего исследования. Эти труды обращены к тем, кто не

остужен сердцем и чуток к духовным энергиям, хотя и не задумывается всерьез о метафизике и о божественных лучах в этом мире.

Если И. Кант раскрыл логический синтез рассудка, то И.А. Ильин выявил аксиологический синтез сердца. Вопрос о соединении логики мышления и аксиологии сердца находится в центре современной философии, иных гуманитарно-социальных наук потому, что целостность духовного акта дарует спасение души и позволяет понять *преимущество объективно лучшего* содержания и творить его. *Сердце и разум, соединенные духовным созерцанием*, есть два крыла творческого взлета и духовного парения личности в «солнечных пространствах» прекрасных значений. Религия клонится к закату тогда, когда угасает горение сердца, меркнет и культура; с угасанием того и другого понижается ранг ценностей и притязаний людей; наступает подмена высшего низшим: культуры – техногенной цивилизацией. Начинается пошлость. Россия нуждается в обновлении духовного, культуросотворяющего акта, в *единении сердца и разума*.

Человек, конечно, соткан из природного материала, из остывшей «звездной пыли». Но природное снято в надприродном, в социальном. Социальное же в человеке снято в духовном. Духовное в человеке есть веяние божественных энергий. С позиций вертикали «*божественное – духовное – социальное – природное*» яснее понимаешь удельный вес компонентов бытия человека.

Ильин воспринимал Россию многолико: он видел Россию добольшевицкую и большевицкую, созерцал Россию из-за рубежа и прозревал отсюда Россию грядущую. Он видел в России то, что нам, ныне в ней живущим, пока еще не дано ощутить. И в многоликости России он прозревал то, что Господь задумал о ней. Поэтому он верен был до своей кончины замыслу Божию о России, зорко видел те круги, которые «варят антихриста» и завещал: «Эту линию духа, *нить духа* – надо по-ариаднинуму вести через весь лабиринт Минотавра!»

На Родину возвращен прах И.А. Ильина, о его творчестве на центральном телевидении вышли два фильма Алексея Денисова. Общероссийское общественное движение «Россия Православная» учредило медаль имени И.А. Ильина «За развитие русской мысли».

Продолжается издания Собрания сочинений Ильина. В Екатеринбурге уже около 10 лет работает Центр изучения творчества И.А. Ильина под председательством архиепископа Екатеринбургского и Верхотурского Викентия. Этим Центром проведены 6 международных Ильинских чтений. В его рамках свыше 10 представителей отечественной культуры награждены премиями имени И.А. Ильина. Все эти и последующие шаги в возвращении наследия И.А. Ильина будут с каждым годом постепенно приоткрывать «замутненному» общественному сознанию России жизненную значительность, величие и красоту духовного – культурного ранга мыслителя и обнажать необходимость смены курса в политике страны – в областях культуры и воспитания, политики и хозяйства. «Относительно русской религиозной философии XX века, – писал Николай Петрович Полторацкий, исследователь творчества И.А. Ильина, создатель его архива в Мичиганском университете, – можно сказать, что много было званых, но мало избранных. ... Ильин принадлежал к категории людей, по-настоящему избранных. У него есть чему поучиться. И нынешним поколениям, и будущим. Ибо он был носителем не только верных идей, но и духовного меча и Животворящего Креста. Именно такие вдохновенные и вдохновляющие – предметно компетентные и ответственные – учителя и нужны в наше смутное и трудное время. И конечно, именно такие нужны будут и в будущем»¹.

Духовный акт И.А. Ильина. Ныне Иван Ильин, замечает Юрий Трофимович Лисица, стал «самым читаемым» и «любимым философом». Лавиной печатаются его произведения. «В высших и средних духовных и светских учебных заведениях нашей страны и далеко за ее рубежами начали изучать удивительные по содержанию и выразительности труды философа»².

И.А. Ильин столь полно вобрал в себя русскую культуру, трагедию и надежды народа, что он, как никто другой из отечественных мыслителей, олицетворяет своим творчеством дух

¹ Цит. по: Иван Ильин и Россия: Неопубликованные фотографии и архивные материалы / Автор-сост. Ю.Т. Лисица. М., 1999. С.179.

² Иван Ильин и Россия... С.5.

исторической национальной России. Его наследие блистает жемчужиной первой величины в короне классической русской философии, пробуждая в читателе глубочайшее чувство Бога и Родины.

Каким-то чудесным образом И.А. Ильин гармонично соединил в себе духовный огонь православия, чувство слова А.С. Пушкина, провидчество и совестливое понимание Ф.М. Достоевского, волевое начало А.В. Суворова, государственный ум П.А. Столыпина и логическую мощь Гегеля. Соединил в мелодию «поющего сердца», в ясное до «духовной очевидности» умозрение самых главных духовных предметов.

И.А. Ильин – это Пушкин в философии и в иных духовных видах творчества: и тот и другой обладали *целостным духовным актом* и развитым чувством *совершенства*. Понять наследие Ильина, значит, усвоить в первую очередь тот его *духовный акт*, каким он творил свою жизнь и свои произведения; пережить те духовные состояния, и перенять ту «духовную оптику», которыми этот великий мыслитель преломлял полноту жизни и через которые излучал затем свои духовные лучи в саму жизнь.

Духовный акт И. Ильина *целостный*: в нем «соло» каждой способности сопровождается «хором» всех остальных и возникает «симфония» духа, дарующая *полноту* миропереживания и понимания. К таким способностям относятся разумное мышление, понимающее объективную истину; нравственная воля, ориентированная на сотворение добра; продуктивное воображение и эстетическое созерцание, постигающие прекрасное; любящее сердце, интуитивно схватывающее объективно лучшее содержание и переживающее его художественно; верование, укорененное в совершенство Божие; совесть, оценивающая помыслы и деяния с позиций должно совершенства.

И. Ильин над своим духовным актом работал постоянно, совершенствовал его, полагая, что от степени его полноты и гибкости зависит разрешающая способность души в богосозерцании и миропонимании. В истолковании реальности он одновременно понимает, созерцает, переживает, волит, верует, любит. Логико-

эмоционально-волевые и иные компоненты как бы растворяются друг в друге и сливаются в единый духовный луч, сканирующий содержание предмета во всей его *конкретной полноте*. Возникает эффект «поющего сердца», «тихого созерцания», любовного видения наилучшего. Такую богатую субъективную палитру Ильин взрастил в себе не на фабрично-заводской ментальности Европы, но на духовном наследии Православия и Святоотеческого Предания, которое он не только хорошо знал, но постигал, усваивал всем сердцем и помышлением.

Доминантой у И. Ильина всегда является *сердечное разумное созерцание*, позволившее философу воссоздавать предмет, события в их *предметной конкретности, духовных смыслах, нравственно-правовых, культурных, политико-экономических и социальных* параметрах. Содержательная многомерность текста непроизвольно побуждает перечитывать работы И. Ильина: сначала для ознакомления с их содержанием, затем – чтобы вживаться в то духовное состояние автора, через которое он преломлял и выражал предмет, далее – снова возвращаться к содержанию текста, но уже с пониманием той «духовной симфонии», какой автором был написан текст. Чтение превращается в усвоение не только содержания, но и духовного акта И. Ильина и становится духовным глубинным общением и *духовным возрастанием* в эфире классической русской культуры. Усвоение духовного опыта Ивана Ильина – это лучшая форма для преобразования общественного педагогического сознания России, особенно, юных душ школьников и студентов.

Духовный акт И. Ильина отличается *полнотой и гибкой пластичностью*. Он с равным мастерством воспроизводит события внешнего опыта и явления внутреннего опыта; объективно воспроизводит положение крестьян и рабочих¹; дает юридически точные оценки «большевистской политике мирового господства»²; безупречно сопоставляет «православие и католичество»³; молитвенно

¹ Ильин И.А. Мир перед пропастью. Политика, хозяйство и культура в коммунистическом государстве. Часть I, II. М., 2001.

² Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т.8. М., 1998.

³ Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т.2. Кн.1. М., 1993.

парит в глубинах верующего сердца в «Аксиомах религиозного опыта»¹; его этюды в триптихе («Поющее сердце. Книга тихих созерцаний», «Я вглядываюсь в жизни. Книга раздумий», «Взгляд в даль. Книга размышлений и упований»)² художественны, мудры, и воспитательны; «Наши задачи» являют И. Ильина как политолога-энциклопедиста³; в произведениях о культуре России⁴ автор предстает как культуролог, теоретик эстетики и как искусствовед в области литературы, музыки; работа «О любезности»⁵ характеризует И. Ильина как утонченного социального психолога; его фундаментальный труд «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» является одним из самых основательных в мировом гегелеоведении.

Свою актологию И. Ильин изложил во многих работах, в частности, в трех публикациях под общим названием «Религиозный смысл философии»⁶. Для постижения духовных предметов философ сам должен быть духовно состоятельным, с очищенной душой. Он тогда имеет право писать о духовных предметах, когда он сам лично воспринял, испытал и пережил их как реальность в своем опыте. «*Философская гносеология* есть подлинная *онтология*: ибо философу необходимо прежде предметно испытать, чтобы верно знать»⁷. Многомерность предмета обязывает к многомерному душевно-духовному акту. Предметный опыт породит и предметную очевидность и сообщит научному мышлению самое главное – *предметность*.

И. Ильина можно назвать автором новой теории – *духовной актологии*. В своих работах он уделял значительное внимание тому сочетанию душевно-духовных сил, какими художник создавал картины, поэмы, романы, а тот или иной философ – свои учения.

¹ Ильин И. А. Собр. соч.: Аксиомы религиозного опыта: В 2 т. М., 2003-2004.

² Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т.3. М., 1994; Т.8. М., 1998.

³ Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т.2. Кн. I, II. М., 1993.

⁴ Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т.6. Кн. I, II, III. М., 1996-1997.

⁵ Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т.6. Кн. I. М., 1996.

⁶ Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т.3. М., 1994.

⁷ Там же.

Из целостного духовного акта Ильина следовала *полнота* его духовного наследия – история и теория философии, философия религии, культуры, искусства, политики, духовного опыта, этика, теория права и государства, историческая прогностика, обширная публицистика, дневники, переписка и др. И. Ильин – философ, теоретик права, культуролог, искусствовед, историк, деятель русского национального движения в эмиграции, патриот России, умелый политик и конспиратор, мудрый педагог и наставник в области духовного опыта; в целом – выдающийся национальный мыслитель России. «Имя русского религиозного философа и национального мыслителя Ивана Александровича Ильина – отмечает Ю. Т. Лисица, – мощно ворвалось в жизнь России конца XX столетия, естественно легло в русскую верующую душу и укоренилось в сердце человека русской культуры. Гражданин, любящий свою Отчизну и свой народ, болеющий за свою Родину, не может не отозваться на пламенное слово Ильина, потому что как у настоящего ученого слово это – точное, как у сильного философа – глубокое, как у мудрого педагога – строгое, как у истинного художника – образное, как у прекрасного стилиста – изящное»¹.

Ильина цитируют Президент России и лидеры политических партий, представители Русской Православной Церкви, его продуманные советы о пути к новой России внимательно осмысливаются на международных и всероссийских конференциях, на страницах газет и журналов, в научных публикациях. Наследие И.А. Ильина вышло на первый план образованного современного сознания и является, пожалуй, единственным из работ русских философов, которое объединяет все нравственно здоровые силы России независимо от их партийной принадлежности. Ильин *духовно объединяет* гражданское общество России.

Чем же он вносит общегражданское согласие в наши души? Прозрачной ясностью изложения великого *духовного опыта*, который представлен Православием и русской классической культурой, *нравственной обоснованностью* выводов из политических и социально-экономических исследований, *национально-*

¹ Иван Ильин и Россия... С.5.

патриотической направленностью идей, свободных от самодовольства, исторической правдивостью в изложении психологии и политики большевизма, революции, отношений «Россия – Запад»; *верной исторической прогностикой*, целиком подтвердившейся в период «перестройки» и последующей «смуты»; *убедительностью* изложения «пути духовного обновления», *ценностных основ* бытия человека, семьи, воспитания, Родины, правосознания и государства, труда и собственности, воинского и иного гражданского служения Отечеству.

Или кратко: Ильин своим наследием вернул нам, ныне живущим в России, *подлинную Россию* во всей ее *богоочарованности, культурном великолепии и многоголосии, душевной щедрости и духовного благородства*. И вот на фоне такой России ясно понимаешь, падения и «звездные часы» России советской, тупики и перспективы России нынешней. Ильин возвращает нам *российское национальное самосознание и достоинство, российский характер и волю к совершенству*. И все это изложено Ильиным по-пушкински ясно и точно, без ненависти и злобы. Только вздох печали и сострадания трагедии и мукам народа, и вместе с тем всегда – «солнечная» перспектива.

Ильин, конечно, мыслитель христианско-православного направления. Но нет в его наследии дедуктивной трансляции православных догматов. Ильин высоко ценил славянофилов (русофилов) за то, что они поставили вопрос о развитии русской культуры не из православия, а в *духе православия*, так сказать, параллельно и непротиворечиво ценностям православия. Его работы целительны для каждого, кто не остудился окончательно сердцем; не важно, православный ли это человек, буддист или мусульманин. Классическое изложение Ильиным национального самосознания, патриотизма, Родины, своеобразия России *не задевает национального достоинства иных этносов и этнокультур*. И все это потому, что Ильин исходил из *вселенского духа Православия*. Все выверено, продумано, и найдены единственно верные слова. Такая поразительная простота, *точность* и легкость изложения обнажает ответственность, ежедневный труд над мыслью и словом. Шедевр

Ильина «Поющее сердце» следует предоставлять школьникам для чтения так же, как и произведения А.С. Пушкина. Студенты и аспиранты РГППУ отмечают эту поразительную смысловую точность и емкость слова Ильина.

«Русскую идею» он наполнил конкретным содержанием, развил столь глубоко и систематически, что она сегодня становится манифестом патриотического культурного движения России. На IX съезде писателей России В.И. Белов выразился так: тот, кто не знает, что делать, пусть прочтет Ивана Ильина; все, что ни возьмешь у Ильина, все подсказывает нам, что делать, и не надо ничего изобретать. Сам Ильин тоже не изобретал «своей» оригинальной русской идеи, не подменял ее светским учением об экономике и политике, о свободе и гуманизме. Созидать русскую идею вне Православия или вопреки ему есть нелепая затея и фальшь. Русская идея – это «*энтелехия*», целевая, все оформляющая причина, направляющая созидательную активность народа; та *субстанция* народного духа, которую не следует отождествлять с ее многообразными проявлениями, будь то культура, политика или экономика; это – *своеобразный духовный акт, каким русский народ творит свою жизнь, культуру и религии на протяжении веков*. Все это Ильин гениально выразил в статье «О русской идее» и конкретно изложил в ряде иных работ. Эта творческая идея России формулирует то, что русскому народу уже присуще, что составляет его благую силу, что мы должны беречь и растить в себе, воспитывать в наших детях и в грядущих поколениях. «Русская идея, – подчеркивал И.А. Ильин, – есть идея *сердца*. Сердца, созерцающего *свободно и предметно*; и передающего свое видение *воле* для действия и *мысли* для осознания и слова. Вот главный источник русской веры и русской культуры. Вот главная сила России и русской самобытности. Вот путь нашего возрождения и обновления. Вот то, что другие народы смутно чувствуют в русском духе, и когда верно узнают это, то преклоняются и начинают любить и чтить Россию»¹. Русская идея есть родниковой чистоты Православие, ставшее лучшим и высшим в ценностном плане духовным актом русского народа и пульсирующее в сердцах и

помыслах, во всей ткани народной жизни. Как точно выразился архиепископ Екатеринбургской епархии Викентий, мы не знаем нравственности выше той, которую заповедовал нам Христос – Спаситель.

Ильин продолжил традиции А.С. Пушкина, а не А.Н. Радищева или П.Я. Чаадаева; образованного патриотического слоя, а не «ордена» интеллигентов-западников. Первые труженически созидали Россию в религии и науке, воспитании и искусстве, в армии, экономике и политике. Вторые боролись в XIX веке с первыми так же, как они это делают и сегодня: гасят русский дух ради «голландского кафтана». Иван Солоневич раскрыл кричащее противоречие между реальной труженической Россией и ее кривым отображением в умах интеллигенции². Ильин негативно относился к «ордену» интеллигенции, к «белибердяевщине». «Заграничный Бердяев, – сообщал Ильин архимандриту Константину, – есть создание масонских лож. Он вступил в ложу, покидая Берлин и договариваясь с ИМКою... Отсюда вся история Бердяевщины; но и Булгаковщины. Ибо книга Булгакова в защиту Иуды Предателя с попыткой провозгласить Иуду национальным покровителем русского народа ... – принадлежит сюда же»³.

Иван Александрович Ильин не менял убеждений и в подвале Лубянки, не метался между православием и католичеством, протестантизмом и иудаизмом; избегал масонского братства. «Что же делать нам, зажатым между католиками, масонами и большевиками? Отвечаю: *стоять*, держась *левой* рукой (от сердца идущей) за Господа Христа, за его неделимый хитон, а правой рукой бороться до конца за Православие и Россию Православную. И прежде всего зорко видеть те круги, которые “варят антихриста”. Все сие, – хотя бы грозило полное с виду бессилие и полное одиночество. Этому я и посвящаю остатки моей жизни»⁴. Всем сердцем и помышлением он любил Россию реальную, «корневую» (В. Распутин), в лучах Божиих.

¹ Ильин И. А. Собр. Соч.: В 10 т. Т.2. Кн.1. С.420.

² Солоневич И. Народная монархия. М., 1991.

³ Ильин И. А. Собр. соч.: Письма. Мемуары 1939 – 1954. М., 1999. С. 153.

⁴ Ильин И. А. Цит. соч. С. 154.

Схватывая основу бытия и духа России, он давал верные решения и потрясающие по точности прогнозы.

В июне 1950 года, после Великой Победы Советского Союза над нацистской Германией в 1945 году, когда страна изумительно быстро восстанавливалась, и еще не схлынула эйфория народа-победителя, Ильин дал трезвый прогноз в серии статей «Что сулит миру расчленение России». После падения большевиков «мировая закулиса» бросит во всероссийский «хаос» лозунг «народы бывшей России, расчленийтесь!». Внутри России встанет или «русская национальная диктатура», которая возьмет в крепкие руки бразды правления, погасит этот гибельный лозунг и поведет Россию к единству, пресекая всякие сепаратистские движения; или же в стране начнется «хаос передвижений, отмищений, погромов, развала транспорта, безработицы, голода, холода и безвластия».

Подобные прогнозы могут проистекать лишь из понимания первосутности духа и жизни России. Ильин исходил из *первенства и направляющего значения духа в действительности*. Дух есть любовь и воля «к совершенству». В нем человеческая социальность представлена в единой, всеобщей и достойной форме. Он – «ген» социальности, соборно объединяющий население в народ-личность. Социальность крепится духовными узами. Разложение духа народа так же обезображивает жизнь народа, как стирание генной информации уродует живую клетку. Так, Россия цвела и богатела в начале XX века, но она трагически пала из-за намеренного разрушения ее национальной субстанции – православия, самодержавия народности. Эрозия этой субстанции усиливалась с 1870-х годов. Советский Союз тоже распался в 1991 году в силу духовного кризиса.

Совершенство – первоисточник философии И.А. Ильина. Если Ильин оценил философию Гегеля как «учение о конкретности Бога и человека», то философия самого Ильина – это *учение о совершенстве Бога и человека*. Это учение есть объективно предметная и конкретная *аксиология*. В ней *совершенство* является основной, центральной и главной категорией, точнее, *подлинной реальностью* сердца и духа. Оно пронизывает обсуждение всех

главных вопросов – размышляет ли Ильин о Боге и о Родине, об искусстве и о культуре в целом. Совершенство ветвится в более конкретные понятия-переживания, будь то добро, справедливость, любовь, вера и др. Из совершенства Ильин выводит иерархию ценностей, «ранг» отношений между людьми; оно служит критерием оценки философских и религиозных систем, государственных устройств, права, текущих событий. Совершенство предстает как такое содержание, которое являет собой *единение и гармонию истинного, доброго и прекрасного*. Совершенство – первоисток положительных ценностей и развитого чувства качества, «верного ранга», нравственности и художества, интуитивный индикатор доброго и прекрасного. Дух, часто отмечает Ильин, есть стремление «к совершенству» и его вдохновенная реализация, обретение надъиндивидуальных по значению ценностей, которые являются *объективно лучшими сами по себе*, а не только относительно кого-либо – лично меня, моего окружения, того или иного сословия, класса, той или иной партии и проч. В свете совершенства личность обретает «очевидность» и понимает *преимущества объективно лучшего* не только относительно себя, но и по отношению ко всем. Такая очевидность направляет внешний опыт достойным образом.

Противоположностью совершенства является ничтожное содержание, соединяющее в себе лживое, злое и безобразное; оно ничтожит, «у–ничто–жает» совершенное, цветущие формы жизни и духа и движется пафосом отрицания – нигилизма, раздора, разрушения и гибели. Ничтожное – это земное бытие дьявола. Оно имеет свои градации, формы и соблазны. Ильин в ряде статей уделит внимание делам дьявольским¹.

Совершенство Ильин укореняет в Абсолюте, в Боге, превращая философию в «подлинное богослужение». Многообразные выражения совершенства предстают как «зсмная риза» Бога, как «дело Божие». Бог есть Идеал объективно лучший и объективно сущий не только для меня, но и для всех. Он – полнота совершенства. Душа человека есть образ и подобие совершенства Божия. Поэтому человек стремится к совершенству как к своей богоданной родовой и

всеобщей субстанции. Коль родовая природа духа у всех людей едина, то в принципе *равноценно достоинство* каждого человека, как дыхание Божие в разных душах. Если различные этнокультуры выражают дух того или иного народа, то совершенство есть тот *инвариант*, который присущ различным национальным культурам. Культура в высшем своем выражении *совершена по содержанию и национальна по своей форме*. Можно затрудняться, писал Ильин, в понимании *национальных* форм культуры тех или иных народов, но пульсацию в таких формах всеобщего человеческого содержания (устремлений к совершенству через борения и соблазны) невозможно не принимать сердцем. Одни народы могут отставать в технике жизни, но лидировать в области культуры, а другие – лидировать в области технологий, но угасать в культурной области. Запад, писал И.А. Ильин, проживший в Германии и Швейцарии 32 года, материально может почти все, духовно – почти ничего. Угасание же культур прямо связано с *десакрализацией* души и жизни человека.

Ильин выстраивает такой смысловой ряд: *совершенство Божие – дух человека как образ совершенства Божия – равноценность достоинства каждого человека и народа – совершенство как инвариант различных национальных культур – сверхклассовая духовная солидарность людей и народов*. Эта смысловая связь и есть вселенское дыхание Православия, не замыкающееся в национальных границах. Такая связь проходит сквозь сословные, классовые, национальные, конфессиональные, индивидуально-личностные перегородки и служит абсолютной основой взаимного признания людьми и народами себя как *равноценных субъектов*, основой взаимного доверия, верности, взаимопомощи и солидарности.

Совершенство Божие – абсолютный первоисток совершенства земного. Логика Ильина такая. Подобное познается подобным. Совершенство открывается совершенному же чувству – любви. Любовь переживает совершенство эмоционально целостно, верование же постигает его духовно целостно. Истина, добро и красота – это разные проекции одного и того же – совершенства.

¹ Ильин И.А. К истории дьявола // Собр. соч.: В 10 т. Т.2. Кн.II.

В письме к Е.Г. Габричевскому Ильин приоткрывает *онтологический* аспект духа и материи: То, что Вы обозначаете словом «Ничто», писал Ильин, есть «подлиннейшая и интенсивнейшая реальность», то, что Гераклит называл огнем, а Филолай – мировым огнилицем, «источником света, тепла, разума, закона и порядка». Греки не знали еще только «главного, что это есть *источник любви*. ... Есть великая тайна мирового бытия: посылающий Богу любовь – получает ответ *Его* – Любовью и становится блажен. ... Критерий верности: наступает состояние Гармонии, Покоя и претрепетной благодарности. ... Чувство незаслуженного счастья. Потусторонняя жизнь начинает переживаться как *возврат домой, в лоно Отчее* и как *величайшая несомненность*. Любовь дает очевидность. Очевидность дает Единение с Ним. Единение дает блаженство. Секрет в том, что материя есть модус Энергии. Энергия же по существу есть Дух, а Дух есть сразу Любовь – Разум – Свет – Гармония – Блаженство»¹. Материальная оболочка Универсума предстает как сгущение, отверждение Духа, ведь и она изумительно сложна, например геном человека. «Мир вертится не зря, не без смысла: он борется за совершенство»². И по Аристотелю, все сущее приводится в движение Перводвигателем, который, будучи недвижимым, все приводит в движение *своим совершенством*. И вот *стремление всего сущего к преодолению материи, к мерам и стройным гармониям, к совершенным формам есть, по выражению Ильина, «дело Божие», продолжаемое и человеком*.

Любовь к совершенству, подчеркивал он, не есть аффектированная фраза или сентиментальная выдумка, «но *живая реальность и притом величайшая движущая сила человеческого духа и человеческой истории*. Поколение людей, которому это чувство чуждо и непонятно – есть поколение мертвое, слепое и обреченное. Все основатели великих духовных религий – Конфуций, Лао-Цзы, Будда, Зороастр, Моисей были движимы этим чувством»³.

¹ Ильин И.А. Собр. соч.: Письма. Мемуары. 1939-1954. М., 1999. С.211-212.

² Ильин И. А. Хвала труду // Собр. соч.: В 10 т. М., 1993. Т. 2. Кн. II. С. 441.

³ Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта: в 2 т. М., 1993, т. 1. С. 97.

И вот христианство выговорило эту *тайну* религиозного опыта и укоренило души людей не в силу и мощь (ветхозаветное представление), не во внешнюю красоту (религия древних греков), не в магический государственный обряд (религия древнего Рима) и не в успех земных дел (протестантизм), а в объективно существующее Совершенство, которое обретается любовью. Религиозный опыт при всем его многообразии заключается в воле к совершенному, в *благоговении* перед ним и в *верности* ему.

Духовное наследие Ильина есть развернутое и гениально выраженное совершенство в многообразных его преломлениях; в его наследии подведен с *позиций аксиологии совершенства* итог духовных исканий классической философии, и аутентично выражена спасительность Православия. Ильин переживал сердцем совершенство Божие и его лучи во внешней реальности и в человеческих душах. Речь идет не о понятии совершенства, но о совершенстве как *духовной реальности божественного ранга*.

Вера в Бога есть стремление к совершенству во всей его полноте. Она вселяет в деяния дух качества, мастерства, художества, любви и добра, верности, щедрости и благородства. Общение с Богом предстает в трудах Ильина как источник вдохновения, опора истинной науки, чистой совести, месторождение гениального искусства, фундамент правосознания и патриотизма, гарантия дисциплины и храбрости. Ибо все перечисленное есть модификации одного и того же – воли к совершенству. Укорениться в Боге, значит стать сильным в добре, а не во зле. Революция потому и победила, отмечал Ильин, что русские люди отошли от Бога и стали слабы в добре. Верх взяли люди, сильные во зле.

Воля же к совершенству специально утверждается в религии. Религия – это культивирование самого духа совершенства в его сакральном, божественном значении; она – солнце национальной культуры. «История не знает культурно-творческого и духовно-

великого народа, пребывавшего в безбожии». «От совершенства религии зависит и высота национальной культуры»¹.

Большевики поняли, заключает Ильин, что «корни русского христианства, русского национального духа, русской чести и совести, русского государственного единства, русской семьи и русского правосознания – заложены именно в православной вере, поэтому они пытаются искоренить ее»².

Если религия культивирует дух совершенства в его сакрально-божественном значении, то *культура* воплощает этот дух в зримые образцы мышления и воления, чувствования и веры. Культура исходит из духовной природы человека и начинается там, где «духовное содержание ищет себе верную и совершенную форму». В культуре внутреннее, духовное, писал Ильин, определяет собой достоинство внешнего, материального. Так, нравственность, поясняет он, ценится не по ее внешней пользе, а по внутреннему состоянию души. Государство жизненно там, где на высоте пребывает правосознание граждан. Хозяйственные вопросы разрешаются «через воспитание людей в духе братства и справедливости». Культура захватывает «самую глубину человеческой души» в отличие от «цивилизации, которая может усваиваться внешне».

Вырождение культуры начинается тогда, когда меркнет ее духовное солнце – религия. Угасает и культура. Ибо она лишается своей сокровенной сути – *духа совершенства*, которым ее питали благодатные лучи Божии. Высшее подменяется низшим, совершенное – ничтожным, внутреннее – внешним, духовное – материальным. Разнуздывается инстинкт вне идеала. И культура вырождается в цивилизацию – в *технику жизни*. Это вырождение начинается с секуляризации (обособления) культуры от религии, души от Бога (эпоха Возрождения). Оно усиливается с богоотпадением и откровенным богоборчеством в Новое время и превращается в сатанизацию мира в XX веке.

¹ Ильин И.А. Основы борьбы за национальную Россию // Собр. соч.: В 10 т. Т.9-10. М., 1999. С.323.

² Ильин И.А. Основы борьбы за национальную Россию... С. 327.

Дьявол, искушая Спасителя, предлагал Ему превратить камни в хлебы. Он же ответил: «Не хлебом единым жив человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих». «Словом» – значит логосом, духом Божиим. Искуситель предлагал путь сутобо *материалистический*: сначала накорми людей, а потом требуй с них добродетели; сперва обустрой внешнюю жизнь, а потом взыскуй о спасении души. Совет искусителя вырос в дальнейшем в целую философию: в жизни человеческой материальное первично, а духовное вторично. Такова идеология обоснования технической цивилизации. Техногенная цивилизация – это путь искусителя, а *культура – это путь Христа*.

В рамках современной цивилизации ставка делается на обустройство внешней жизни внешнего человека путем промышленных технологий, науки, разрабатывающей технологии, товарно-денежной связи и права. Цивилизация (техника жизни), не направляемая культурой, вселяет в человека безвдохновенный, технорационалистический «дух» всеобщего упрощения и нивелирования по единым стандартам и превращает людей в однородные кубики. Современный человек, писал Ильин, идет за «материальной наукой», «техникой», «жизненными средствами»; за светской «безрелигиозной государственностью», за «приобретательскими инстинктами и хозяйственными законами», за «безрелигиозным искусством», которое становится «праздным развлечением» и «нервирующим зрелищем». Растет и ширится научная картина мира, «мисосозерцание без Богосозерцания».

Принципиальная несостоятельность технической цивилизации состоит в понижении ранга: внешнее и низшее становятся мерилем внутреннего и высшего. Культура не отрицает достижений цивилизации. Просто в ней иная субординация ценностей, иной ранг в отношениях между людьми, исходящий из совершенства: высшее служит мерилем низшему, лучшее – мерилем хорошего и плохого. В бедах технической цивилизации повинны не техника, деньги, право и наука сами по себе, а неверная иерархия ценностей, т.е. духовная смута, ведущая к смуте внешней, социальной, к большевизму.

Анализируя идеологию большевизма, Ильин показывает, что яд большевизма слагается из материализма, воинствующего безбожия и интернационализма. Материализм опошляет, обесмысливает и разрушает жизнь. Человек не сводится к телу, чреву и похоти. Он – не машина, не чувственное животное, не голодный зверь. Такое понимание унижает человеческое достоинство, разжигает зависть и социальную ненависть, ведет к рабству и муке, к гражданской войне. Безбожие разлагает в душе человека священные основы жизни: веру, совесть, честь, верность, любовь к Отечеству, дисциплину. Гибнет правопорядок. Крошится государство. Народ обрекается на унижение, муку и вымирание. Интернационализм есть «духовная болезнь». Национальное обезличение – великая беда и опасность: человек становится беспочвенным и бесплодным скитальцем по чужим дорогам. Интернационализм есть путь к предательству Родины. Если в государстве начнут править интернационалисты, предупреждал Ильин, то они не захотят блюсти исторические интересы народа. Народ станет средством для чуждых ему целей. Он будет разорен, обессилен и в последний час предан. Современные революционеры, замечает Ильин, люди ненависти, не имеющие Бога. Все же великое в культуре всегда почвенно. Все гениальное рождается в лоне национального духа. Материализм, воинствующее безбожие и интернационализм, соединенные вместе, образуют тот адский заряд, который разрывает в клочья культурное тело народа.

Так, материализм обосновывает верховенство материального и борьбу за него одного класса с другим. Он гордится тем, что в нем нет ни грана морали: нравственно то, что служит революции, успеху в классовой борьбе. Но такая борьба есть борьба одной части народа против другой, т.е. «прикрытая гражданская война», которая свирепее международной. Большевистская «борьба классов» есть на самом деле *провокация на самоистребление народа на радость ненавистникам России*. Кто начинает эту борьбу ради интересов одного класса, тот предает Отечество и ведет страну к гибели.

Государство же, утверждает Ильин, исходит из целого, а не из той или иной части; из единения народа, а не из классовой борьбы. Оно – не машина принуждения, а орган духовной и волевой

солидарности. Солидарность граждан, пишет Ильин, есть основа государства. Оно держится не насилием, а правовым авторитетом, правосознанием граждан, их добровольной лояльностью. Истинная политика считается с интересами лиц, групп, классов, но «с точки зрения целого» – государства, Родины, народа. Если интерес класса обоснован, справедлив, то это уже интерес всего народа, государства. Надо, следовательно, отстаивать не сугубо частные, классовые интересы, а те, которые есть одновременно и общенародные (всем на пользу). Политика есть постижение патриотических целей. Партии должны служить не классам, а Родине, народу, государству по программе всенародной справедливости с учетом интересов всех слоев и классов. Истинный вопрос для избирателя: в чем нуждается Родина? А не «что мне, моему сословию надо?». Государство, следовательно, представляет собой «дух целого». Родина шире патриота. А формула патриота – «мое дело есть дело моей Родины и моего народа». В этих чеканных положениях выражена классическая диалектика, верно связывающая всеобщее, особенное и единичное. Жаль, что «мы диалектику учили не по Гегелю» (В.В. Маяковский).

Государство имеет право сопротивляться злу силою. Не пресекать противозаконные и злые дела – значит предать слабых на утнетение, а свой народ – на порабощение иностранцам. Человек имеет право прощать *свои обиды, но не чужие страдания*. Он имеет право жертвовать собой, своим имуществом, но *не своими братьями и не своей Родиной*. Развенчивая учение Л.Н. Толстого, Ильин подчеркивает, что непотворение злу есть принятие зла, подчинение ему, участие в нем, превращение себя в его орган, орудие и рассадник. Это – самораствление, самозаражение и распространение заразы, вовлечение других во зло.

В противостоянии злу армия есть мужественное начало народа, его воля и сила, его рыцарская честь, ограда национальной целостности и независимости. Русская армия – это школа русского патриотизма, верности, чести, дисциплины и стойкости. Воинское знамя – священная хоругвь народа. Ее победы – наши победы. Ее разложение – наша гибель. Интеллигенция, замечает Ильин, держалась тезиса «гражданин вселенной выше патриота». Она тянулась к

интернационализму, всячески шельмуя свою национальную армию, и в итоге отдала Россию большевикам. А наши западники из СМИ шельмовали несколько лет назад армию России, чтобы отдать ее чеченским бандитам.

В размышлениях о последствиях большевизма Ильин излагает свою линию верности исторической национальной России. Дело не в том, кто сейчас временно одолел, а в том, кто прав по самому существу перед лицом Божиим. Ибо кто прав по сути, тот и будет править. Зло большевизма само по себе несостоятельно. Победа будет за религиозной национальной Россией. Мы увидели зло, писал Ильин, чтобы обратиться к Богу, предательство укрепило нас в верности, порабощение – в свободе, бесправие – в справедливости, а разорение Родины – в патриотизме.

Развернув панорамную картину *духовного кризиса* человечества XX века в высшем его сосредоточии – в религии, Ильин дает гениальный совет: выход из кризиса: в обновленном сердечном понимании христианства, в *«постижении и усвоении утраченного нами религиозного опыта самого Христа»*¹.

Надо перестроить сам культуротворящий акт нашей души. Мысль сама по себе все разложит и подкопает. Воля сама по себе то же не принесет обновления, так как она *лишена очевидности* и склонна плодить одну дисциплину и полицейское государство. *Воображение без любви*, духовно слепое, породило декадентский модернизм, искусство мнимое, «часто ничтожное и поплое»: это «безвкусовые, праздные обрывки»; «больные выкрики», «вспышки духовного безволия, немощи и распушенности», обломки безобразных замыслов, неестественные выверты, противоестественные химеры; искусство модернистов «бредит на языке больных страстей и бесцензурно выбрасывает сырой материал бессознательного». Современное искусство перестало служить священному, стало забавою, созданной для возбуждения и раздражения, не то развратною потехою, не то беспринципным промыслом. Оно творится в атмосфере *художественной*

¹ Ильин И.А. О религиозном кризисе наших дней // Собр. соч.: Кто мы? О революции. О религиозном кризисе наших дней. М., 2005. С.172.

бессовестности: здесь все позволено¹. «И невольно возникает вопрос, – писал Ильин: искусство это или больной бред? Художественное творчество или духовное разложение? Культура или гниение?» Бред и гниение, если иметь в виду современные СМИ России.

Нынешний культурно-творческий акт, отмечал Ильин, покоится «на чувственном восприятии» и считает его «дверью во внешний мир»; пред той дверью сидит критически настроенный страж – «мысль»; из их союза зарождается «позитивная наука и техника»; результаты этого союза подхватываются «*инстинктом и волей*»: инстинкт становится стимулом «экономики, воля – стимулом государства». Воображение находится под строгим контролем разума. Жизнь чувств вообще вытесняется из культуры общества и имеет место только в частной жизни. В мире бизнеса они ни к чему².

Что касается сердца – источника духовной любви и *творческого созерцания*, то оно как-то оледенело настолько, что упоминание о нем в философии и психологии считается ныне дурным тоном. Современный кризис – «*это кризис расколотого человека*»; он не верит в Бога – сосредоточие всех высших смыслов, поэтому у него атрофировался религиозный орган – *любящее сердце*, фокусирующее в целостность все творческие силы души. «*Аналитический разум, беспочвенная и разнузданная воля и бездуховный инстинкт самосохранения* – вот все, что ему осталось. Все остальное подлежало осмеянию: вера, стыд перед собственным безжизненным сердцем, творческое созерцание...»³. Расколотый духовно человек – «несчастный» и «обессиленный» человек. Воспринимая истину, он не может определить, истина это или нет. Вопрос о добре и зле он подменяет вопросом об относительно полезном и относительно ущербном. Он во всем *релятивист*. Если он любит, то не уверен, любит ли он или не любит. Его «да» заигрывает с «нет». В его душе много центров. Каждому он клянется в верности. Как только один из

¹ Ильин И.А. Основы искусства. О совершенном в искусстве // Собр. соч.: В 10 т. Т.6. Кн.1. М., 1996. С.65-68.

² Ильин И.А. Стань цельным // Собр. соч.: В 10 т. Т.8. С.546.

³ Там же. С.438.

центров оказывается не совсем удобным, слишком требовательным, он тут же съезжает на «другую квартиру» души и устраивается там поудобней. Он ни с чем не связан подлинной верностью, ко всему готовый, ни во что не верующий, ничего не любящий, скорый на предательство, довольный собой. Такова его свобода, и таков его гуманизм. «В нем нет самой важной, самой драгоценной основы духовного характера – всеобъемлющего, единого, *единственного центра жизни*»¹.

Ильин советует: «человек должен обрести в себе свою цельность. Он должен собрать ... разлетевшиеся органы своего духа, оживить их и восстановить заново. Человеческий разум должен снова и снова пробиваться к вере, поборов в себе ложный стыд перед собственным сердцем. Мысль должна примириться с творческим и снова стать созерцательной, интуитивной, провидческой. Аутентичная фантазия должна пройти школу предметной интенции и духовной ответственности. Формальная, безудержная воля должна подчиниться совести и сердцу. ... Тогда рассудок обретет способность к созерцанию и станет разумом, а созревающий разум станет повиноваться сердцу, так что все пути будут вести к сердцу и исходить из сердца. Сердечное созерцание, совестливая воля и верующая мысль – вот три великие силы грядущего, которым будут по плечу все проблемы бытия; они-то и создадут человека, обладающего творческой цельностью»².

Только любящему сердцу доступна глубина постижения и очевидность *преимущества объективно-лучших, совершенных содержаний*³. Душа человека стремится к совершенству потому, что она боготварна и *сопричастна совершенству Творца*. В воспитании ценностного сознания синтез сердца является базисным.

Сердце – источник «духовной любви к истине драгоценному предмету». Выбор, правильный и окончательный, есть дело истинной

¹ Ильин И.А. Стань цельным... С.438.

² Там же. С.438-439.

³ Об этом см.: Гончаров С.З. Философия совершенства Ивана Ильина. Екатеринбург, 2007. С.104-198.

любви. Кто никого не любит и ничему не служит, тот пуст, стерилен, духовно мертв. «Только любовь может предсказать человеку, что делать, чем жить, за что бороться, за что стоять, за что идти на смерть. ... А все прочие духовные и физические потенции имеют своей задачей верно и надежно служить любви». Тогда все дарования человека получают более высокий духовный заряд: «любовь превращает воображение в предметное созерцание – в результате просыпается религиозная вера; любовь наполняет мысль живым содержанием и придает ему силу предметной очевидности; любовь укореняет волю и делает ее носителем совести; любовь очищает и освящает инстинкт и открывает в нем духовное око; любовь углубляет и облагораживает чувственные восприятия, делая их художественно осмысленными, направленными на служение искусству».

Все это, продолжает Ильин, не преувеличение, а «простые, основополагающие истины духовной жизни, в которых сразу же узнаешь основополагающие истины христианства»¹. Из любящего сердца исходит *сердечное созерцание*, «*вчувствование в совершенство*»², которое Ильин отождествляет с «творческим созерцанием» и которым во все времена творились классическая культура, включая науку, подлинное правосознание и истинные отношения между людьми. Значение сердечного (творческого) созерцания в классической русской культуре мы попытались раскрыть в расширенной статье³.

Современный религиозный кризис, подчеркивал И.А. Ильин, «состоит, по существу, в том, что человеческий дух утратил цельность, а потому и подлинность, и жизненную силу в очевидности»⁴. Есть научная очевидность внешнего опыта, законов природы, внешнего мира вообще, и есть очевидность внутреннего духовного опыта, требующая более сложного духовного акта –

¹ Ильин И. А. Сердечное созерцание // Собр. соч.: В 10 т. Т.8.

² Там же. С.551.

³ См.: Гончаров С.З. Предпосылки творческого универсума классической русской культуры // Творческий универсум русской культуры. Коллективная монография / Под ред. В.И. Копалова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. С.101-130.

⁴ Ильин И.А. О религиозном кризисе наших дней... С.173.

единства главных сил души. Религиозное возрождение возможно не в противопоставлении этих очевидностей, а в их преобразении в «единую и цельную очевидность». С позиций цельной очевидности в научном опыте «нет и не может быть данных, свидетельствующих против религиозной очевидности». И точно так же в религиозном опыте «нет и не может быть данных, свидетельствующих против научной очевидности»¹. Дело в том, что *предметы религиозного опыта существуют исключительно только в духовном измерении*, и этих предметов не уловят ни телескоп, ни химические реактивы. «Я глубоко уверен, – писал И.А. Ильин, – что религиозное возрождение приблизится только в борьбе за цельность духовного опыта и очевидности»².

Эту принципиальную позицию мыслителя о духовном акте следует особо акцентировать. Ибо человеку с помраченным сознанием, потерявшему здравие, ведь не помогут ни новые технологии, ни новые формы собственности. Обновление России разумно начинать с преобразования всей субъективной сферы, в первую очередь, *с нравственной*. Вот что писал Ильин по этому поводу архимандриту Константину: «Годы идут, а я заканчиваю книгу за книгой и складываю их у ног Господа моего. ... Все они об одном: как восстановить нам, русским, а за нами и другим, *верный духовный акт*. Акт веры, акт правосознания, акт художества, акт совести, акт очевидности, акт характера»³.

Вот как Ильин излагает исходные отличия *душевной* стадии от *духовной*. «Душа не то же самое, что дух. Душа – это весь поток нетелесных переживаний человека, помыслов, чувствований, болевых ощущений; приятных и неприятных, значительных и незначительных состояний; воспоминаний и забвений, деловых соображений и праздных фантазий и т.п. Дух – это, во всяком случае, лишь те душевные состояния, в которых человек живет своими главными, благородными силами и стремлениями, обращенными на познание истины, на созерцание или осуществление красоты, на совершение

¹ Ильин И.А. О религиозном кризисе наших дней. С.174.

² Там же. С.175.

³ Ильин И.А. Письма. Мемуары. 1939-1954... С.155.

добра, на общение с Божеством – в умозрении, молитве и таинстве; словом, на то, что человек признает *высшим и безусловным благом*. ...Дух это то, что *объективно значительно* в душе». Духовное делание предполагает должный уровень внутренней жизни, свободный от пошлости. «Тот, кто создал в себе этот уровень, испытывает нечто, как *самое лучшее и высшее*». Это высшее он испытывает «не как лучшее только *для него*, не как субъективно наиболее приемлемое, приятное, но как *объективно ценнейшее*, как объективно-главное; как главное не только для всех людей, но безотносительно, как главное и совершенное *само по себе и на самом деле*»; как такое главное, что оно не может потерпеть ущерба в этом своем качества даже в том случае, «если бы никто из людей не захотел признать его, или если бы все от него отвернулись и отвергли его совершенно». Такое нечто главное предстает субъекту как «высший Предмет», как «объективная *мера*» для всего остального. Возникает чувство стояния пред таким Предметом, «*перед лицом Божиим*»¹. Так стояли на своей духовной вере многие христиане – мученики, гонимые язычниками Рима. Такое величие духа раскрывали герои нашей Родины в смертельных испытаниях на Куликовом поле, под Москвой и у Сталинграда в годы Великой Отечественной войны. Упрощенный материализм кастрирует дух народа, сводит дух к сознанию, а сознание – к высшей форме «отражения», плодя тем самым бездуховных приспособленцев к обстоятельствам.

Ильин выразительно различает *объективное содержание* духа и *субъективную форму* приятия этого содержания. Второе производно от первого. Он пишет: «Именно за это, в силу такого значения и совершенства, это “нечто” делается предметом любви и радости. Оно любится всем сердцем, всей душою, всем помышлением; душа радуется ему и стремится к нему как к источнику истинной радости; но это “нечто” *не потому хорошо, что оно приятно, что оно радует; но радует оно потому, что оно в самом деле драгоценно и объективно прекрасно*» [курсив наш – С.Г.]. Ведь не все то хорошо,

¹ Ильин И.А. Философия как духовное делание // Собр. соч.: В 10 т. М., 1994. С.23-24.

что мне приятно и что меня радует. Иначе не было бы поговорки о благих намерениях, ведущих в ад.

Ильин особо акцентирует первенство объективного содержания и верховенство духовного над душевным: человек любит высший Предмет не просто «душевно», – «по сильному и слепому влечению, доверяя своему настроению и полагаясь на свое чувство; но *духовно* – по столь же сильному, но предметно удостоверенному и объективно правому, зрячему и *все более прозревающему* влечению. Душа оказывается побежденною объективным качеством Предмета, следует его зову, готовит себя к его восприятию.... Эта любовь к совершенному есть любовь, поглощающая личный интерес, личную страсть, личную корысть человека; она приходит с сознанием, что невозможно не любить этого предмета; с непреложной уверенностью, что раз увидевший его, пойдет за ним, оставляя иное»¹. Так апостолы пошли за Христом, оставляя иное. «Эта *бескорыстная радость объективному качеству предмета* приучает человека к тому, что все, что есть в нем самом *только* личного, *только* субъективного, – второстепенно и несущественно; что важно, значительно, ценно, – и в нем самом, и в других людях, и в вещах, – то, что *объективно* ценно, *объективно* значительно; что эрос души должен принадлежать и не может не принадлежать именно объективному, безусловному качеству предмета: истинности знания, нравственному совершенству душевного настроения и делания, красоте воспринимаемого и осуществляемого образа, таинственной божественности мироздания»².

Так прозревающая душа наполняет себя объективно лучшим, объективно значительным содержанием. Такое содержание покоряет душу своим качеством, преломляется в душе в проекциях истины, добра и красоты. Вера соединяет эти проекции в единство и устремляется к Первоисточнику – к совершенству Божию. Душа обретает смысловую Гармонию как благой дар, как *благодать* Божию. Созидается второй – наддушевный, духовный уровень субъективности. И субъект, продолжая духовное делание, пускается

¹ Ильин И.А. *Философия как духовное делание...* С.24.

² Там же. С.24.

в самостоятельный, вдохновенный, творческий, автономный жизненный путь. Отныне он никогда не замкнется только на душевном уровне психики.

Россия, писал Ильин, спасется творчеством – обновленной религиозной верой, новым пониманием человека, новым политическим строительством, новыми социальными идеями. Былой России не будет. Будет новая Россия, но по-прежнему – Россия. Она восстановится служением Богу на земле, религиозно-осмысленным патриотизмом и религиозно-вдохновенным чувством и пониманием. Соблазны материализма, безбожия, интернационализма, западного модернизма будут преодолены. Русское искусство вернется к собственным созерцаниям и глубинам. И в созидании новой России важно помнить, что Отечество выше сословий, классов, партий, выше всякого лица. Россия – не механическая сумма лиц, партий и классов, а «священное единство». Крепость единства России – в самобытной культуре, созданной русским народом во всем сложном сочетании его национальностей. Эта культура, продолжает Ильин, создавалась в течение целого тысячелетия на единой территории, под единой государственной властью, при едином языке, в единой судьбе международных войн и социально-классового, хозяйственно-торгового сотрудничества.

Все это выработало у народов России сходство душевного уклада, подобие характеров, близость в обычаях, то основное единство в восприятии мира, людей и государства, которым русские народы без различия племени отличаются от западноевропейских народов. «Самое глубокое единение людей возникает из их духовной однородности, из сходного душевно-духовного уклада, из сходной любви к единому и общему, из единой судьбы, связующей людей в жизни и смерти, из одинакового созерцания, из единого языка, из однородной веры и из совместной молитвы. Именно таково национальное единение людей»¹. Отмеченные И.А. Ильиным существенные моменты составляют *духовный генотип* нации.

Славяно-русское племя не отгораживалось от замиренных и присоединенных им иных племен, но принимала их в свой состав

гражданственно, кровно, культурно и правительственно. Различия не исчезли, но равноправие и душевно-бытовое общение вызвали к жизни духовно-братское единение. Вследствие этого духовно-творческий акт славяно-русского племени, не изменяя своей природы, приобретал все новые горизонты и задания, его вели славянская даровитость и вселенское дыхание русского Православия. И когда он окреп и развернул свое творчество, то оказалось, что Россия не просто единое государство, подчеркивает Ильин, но «система духовного единства», созидаемая единым русско-национальным духовным актом. В этом единстве все племена России найдут себе родную стихию. *Русский, по Ильину, этот тот, кто принимает Россию огнем своей любви и служит ей волею и делами.* Будучи единой и неделимой, Россия сохраняла все народы, языки и культуры.

Поэтому манера большевиков строить российское государство по племенному признаку, с правом наций на отделение, есть абсурд. России, по мысли Ильина, необходимо унитарное государство с самоуправлением на местах при единоличном главе государства. Ильин скептически относился к развитию республиканских начал в новом российском государстве. Россия становилась республикой только в периоды «разложения и провала». Республика – это «правовой механизм», а монархия – «правовой организм». Однако в постсоветское время необходимо, полагал Ильин, период, чтобы русский народ пришел в себя, сомкнулся с культурой добольшевистской России и дозрел до монархического правосознания. Для этого периода целесообразен единоличный глава государства.

После падения большевиков, писал Ильин, необходима внепартийная, сверхклассовая, национальная, религиозно-вдохновенная и жизненно-творчески-гибкая диктатура. Иначе в России возникнут распад и хаос, с вечными восстаниями авантюристов, субсидируемых из-за рубежа. Российская государственная власть может быть или сильной, или никакой. Она сильна тогда, когда религиозно и национально убедительна и способна воплотить русскую идею в полном объеме и во всех сферах

¹ Ильин И.А. Основы христианской культуры // Собр. соч.: В 10 т. Т.1. М., 1993. С.323.

жизни. На ненависти классовой и расовой, завещал Ильин, Россию не построишь. Нужно национальное единение в общей идее: Бог, Родина, национальный вождь. Социальной основой единения будет ведущий слой – средний класс, при условии, если он будет патриотическим и организованным. Иначе не избежать распада государства и всей страны.

Русскому человеку надо духовно вернуться на свою Родину, к Матери-Церкви, к своей национальной культуре, усвоить русскую идею и осуществить ее во всем – в религии, науке, праве, государстве, искусстве, труде, суде, медицине, воспитании. Нужны «свое видение, своя вера, свои мысли и новая своя государственная форма». Надо победить в себе, продолжает Ильин, дух частного, личного, партийного, классового интереса; надо восхотеть русского, всероссийского, единого и общего; надо укорениться сердцем и волею в Божием деле до бесстрашия, до непоколебимости.

Стратегию Ильина можно представить обобщенно так: в политике следует идти *направо*, а в экономике – *налево*. Направо – значит *приближать жизнеустройство общества к Завету Христа, исходить в практических делах из нравственных императивов, традиций отечественной культуры, преемственности поколений*; налево – значит *сообщать хозяйственной активности такие формы, которые просторны для инициативы, самостоятельности, предприимчивости*. Тем самым Россия будет застрахована от крайностей и недугов монопартийности, либерализма, формальной демократии, с одной стороны, а с другой – от паралича хозяйственной инициативы. Такая страховка создаст предпосылки для восстановления *национально-культурной идентичности* народа, *исторической памяти, достоинства и чести граждан* и тем самым – для *смыкания исторической связи времен и поколений*. Так Россия за десятилетия восстановит свой *великий исторический ранг* в религии и культуре, в государственном строительстве и хозяйстве; утвердит свои правила игры в международных делах, обретет все новых и новых союзников в геополитике. Все это – *идеи креативного консерватизма, спасительные для современной России*.

Россия, подчеркивал Ильин, спасется только самостоянием, самопомощью, творческой самодеятельностью. «Кто бы я ни был, – я служу России, не маммоне и не просто “начальству”, не карьере и не просто работодателю. Но именно России: ее спасению, ее строительству, ее качеству, ее величию, ее совершенству, ее оправданию перед лицом Божиим»¹. Таковой была гражданская молитва Ивана Александровича Ильина. Россия для него была храмом, стоящим пред Богом.

И.А. Ильин, пишет Ю.Т. Лисица, – «философ стратегический». «Нет сомнений в том, что наследие мыслителя станет твердой опорой для грядущих поколений»². Усвоение будущими специалистами наследия И.А. Ильина будет безусловно содействовать обретению духовности и национально-культурной идентичности, тому, что они в дальнейшей самостоятельной жизни обретут такие качества, как культурный человек, нравственная личность, творческая индивидуальность, социально компетентный гражданин и патриот России, понимающий и ценящий не только отечественную культуру, но и культуры иных народов.

РАЗВИТИЕ РУССКОЙ ИДЕИ В НАСЛЕДИИ И.А. ИЛЬИНА

Л.М. Кетова

Русская идея переживает сегодня второе рождение, становится культурной реальностью нашего времени. Одни считают ее философией будущего, другие относятся, напротив, отрицательно. А.Гулыга, известный философ, автор книги «Русская идея и ее творцы» приводит на ее страницах ряд негативных мнений о Русской идее. Так А. Янов в книге «Русская идея и 2000 год» называет русскую идею «идеологией русского империализма». А вот мнения о русской идее некоторых участников конференции «Русская идея и новая российская государственность»:

- «Мы не знаем, что такое русская идея» (Лацис О.Р.).- «Когда говорят о русской идее, у меня по коже пробегает легкий мороз. Потому что на самом деле это просто идея российской империи, не более того и не менее».

¹ Ильин И.А. За национальную Россию. // Слово. 1991. № 6. С.84.

² Иван Ильин и Россия... С.182.